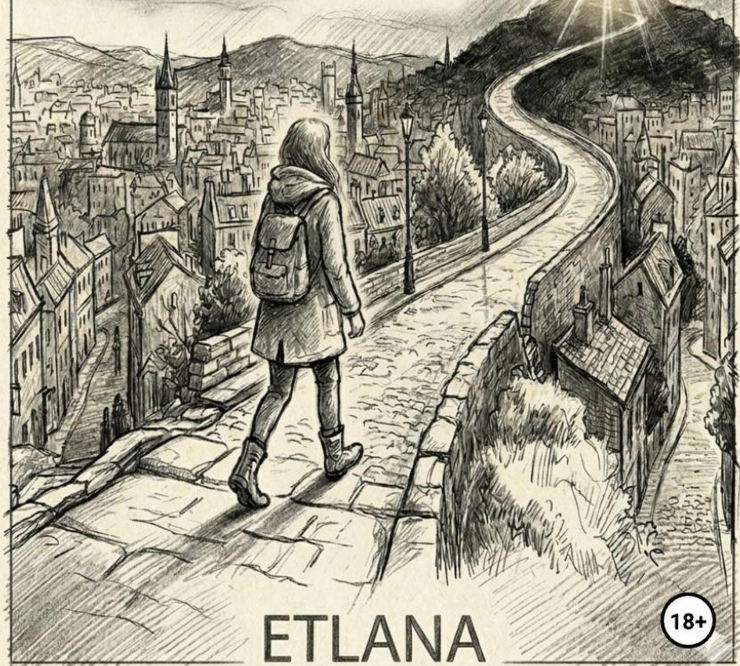

Это жизнь
и так
бывает

ETLANA

18+

ETLANA ETLANA

Это жизнь и так бывает

<https://litres.ru/73975321>

SelfPub; 2026

Аннотация

Реальная история женщины, которая нашла в себе силы бросить всё после измены мужа и краха бизнеса, чтобы заново построить свою жизнь в чужом городе.

Уфа встречает героиню съемными квартирами, поиском себя в новой профессии и новой любовью — притягательной, но полной неопределенности. Это книга-дневник о взрослении души, силе женской солидарности, уроках музыки и обретении истинной самодостаточности. История о том, как перестать быть «инструментом» в чужих руках и начать создавать свою собственную мелодию жизни.

Главная суть книги заключена в одной мысли: любовь мужчины - важная часть жизни, но не единственный источник тепла. Это вдохновляющая история для каждой женщины, которой хоть раз казалось, что ее мир разрушен навсегда. Ведь после самой суровой зимы всегда расцветают пионы.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	47

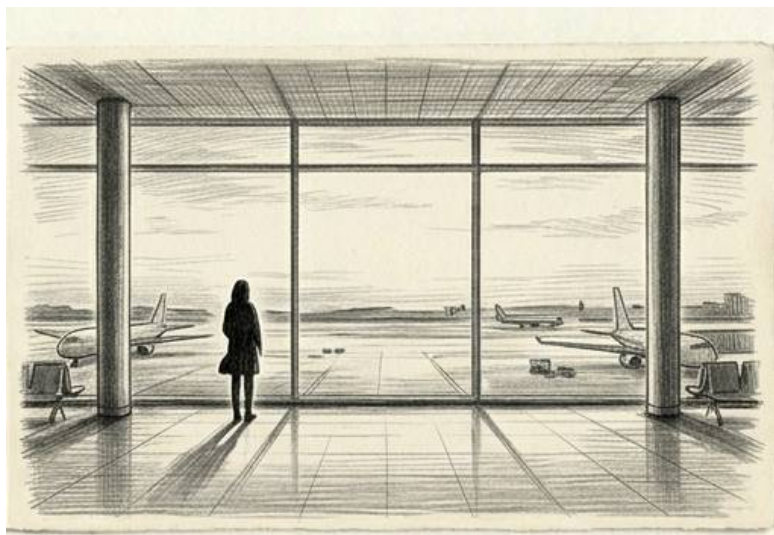
Это жизнь и так бывает

Глава

«ЭТО ЖИЗНЬ И ТАК БЫВАЕТ»

«Зачем я рассказываю эту историю? Наверное, ради одного простого осознания, к которому я шла через съемные квартиры, чужие города, ошибки и сложные чувства: любовь мужчины — это прекрасная часть жизни, но не единственный источник тепла. Меня предали, мой бизнес разрушили, а сердце долгое время находилось в мучительной "серой зоне" ожидания. Но я выстояла. Я написала эту книгу как напоминание самой себе и каждой женщине: после самой суровой зимы всегда расцветают пионы. Главное — не бояться сделать первый шаг».

2020год

Стеклянная стена аэропорта отделяла меня от взлетной полосы, где огромные стальные птицы замирали в ожидании новых маршрутов. Я смотрела на них, а в голове, словно кадры старой киноплёнки, прокручивались события последних двух лет. События, которые шаг за шагом вели меня именно

в эту точку пространства и времени.

2018год

Все началось с желания поехать в Грузию.

Но дома натыкалась на стену непонимания.

— Там беспокойно, — отрезал муж. — Я не поеду и тебя не пущу.

Но душа требовала этой свободы. Мой отъезд стал не просто путешествием, а вызовом.

К тому моменту я дошла до предела. У меня был свой салон красоты — дело, в которое я вкладывала всю душу, — но за фасадом успешного бизнеса скрывалась изматывающая реальность. Мой муж пил. Его запои могли длиться по три недели, и в это время мир вокруг меня превращался в зону выживания.

В одиночку я тянула на себе всё: решала проблемы в салоне, управляла коллективом, а вечером возвращалась домой и вступала во вторую смену — бесконечное хозяйство, быт и тяжелая атмосфера дома. Я была и директором, и уборщицей, и психологом, и опорой для семьи. Пока он тонул в алкоголе, я пыталась удержать на плаву наш общий корабль, который неумолимо шел ко дну.

Вызов заключался в том, чтобы наконец-то **выбрать себя**.

Поездка в Грузию имела для меня решающее значение. Это был мой личный акт спасения. Мне нужно было физически вырваться из этого замкнутого круга «работа — запой

мужа — быт», чтобы просто услышать тишину. Я хотела понять: останется ли от меня хоть что-то, если я перестану всех спасать и всё контролировать?

Я ехала в Грузию, чтобы сбросить с плеч эту непосильную ношу и вспомнить, каково это — когда ты отвечаешь только за свой завтрашний день и свой маршрут в горах. Это был не просто отпуск, это была реанимация моей израненной души. Я должна была доказать себе, что я — это не только «машина для решения проблем», но и женщина, которая имеет право на покой и собственную, никем не отравленную радость. В то время я думала это правильное решение.

Последние слова, брошенные мужем на прощание, эхом отзывались в ушах: **«Приедешь — и сразу разведемся»**.

ПОИСК СВОЕГО СМЕХА

Поездка была наполнена чудесами, теплом и встречами, которые перевернули сознание. Но самым важным было то, что я была там не одна — мои друзья поехали со мной, став моей опорой и моей семьей в этом путешествии.

Грузия исцелила меня. Она приняла меня в свои объятия, как старую подругу, которой давно нужно было выплакаться и, наконец, вспомнить что такое смеяться. Там я начала заново открывать мир. За восемь лет брака мы никуда не ездили.

Иногда я часами гуляла в одиночестве по узким улочкам Тбилиси, вдыхая аромат свежего хлеба и старого камня. А иногда мы бродили шумными компаниями с друзьями, и

воздух вокруг нас буквально искрился от шуток.

Впервые за долгие годы я купалась в море комплиментов. Открытые, щедрые на доброе слово грузины не скупились на восхищение, и это не было навязчивым — это было цельным. Каждый «комплимент в след» был как маленький кирпичик, из которого я заново строила разрушенную самооценку. Я ловила свое отражение в витринах и с удивлением замечала: плечи расправились, взгляд потеплел.

Я много смеялась. Так много и искренне, что под конец дня даже болели скулы. Этот смех вымывал из меня остатки той липкой тревоги, в которой я жила дома.

В один из дней мы решили, что нам не хватает адреналина, и отправились в парк аттракционов. Настроение было боевое: «Я всё смогу, я всё попробую!»

Но ровно до того момента, пока я не подошла вплотную к американским горкам.

Я задрала голову вверх, наблюдая, как вагончик с диким грохотом несется по петле, а люди в нем издают звуки, которые вряд ли можно назвать человеческими. Но «вишенкой на торте» был финал: в конце этой безумной гонки вагончик на полной скорости влетал в огромный бассейн с водой. Огромный фонтан брызг накрывал пассажиров с головой, и они, мокрые и взъерошенные, выползали наружу, выглядя так, будто только что пережили кораблекрушение.

Я стояла, заворуженно глядя на это водное побоище. В моей голове пронеслась мысль: «Так, Грузия должна меня

исцелить, а не утопить и довести до инфаркта». Нырять в воду в одежде, под вопли толпы — для меня в тот момент это было уже чересчур. Мой внутренний искатель приключений вежливо постучал мне по плечу и прошептал: «Знаешь что, дорогая? Давай начнем с чего-то более... философского».

Развернувшись на 180 градусов от гремящих горок, я с достоинством (как мне казалось) направилась к колесу обозрения.

— Вот это — мой масштаб! — заявила я друзьям.

Пока остальные проверяли свои нервы на прочность, взлетая вниз головой в воду, я медленно поднималась над городом. В тишине кабинки, вдали от визгов и брызг, передо мной открылась вся красота Грузии. Я сидела, смотрела на горы и крыши домов и думала: «Пусть они там мокнут и кричат. Моя терапия сегодня — это покой, высота и полное отсутствие риска свалиться в бассейн».

Это был мой маленький триумф здравого смысла над безумием. Иногда, чтобы почувствовать себя сильной, вовсе не обязательно лететь в воду с двадцатиметровой высоты — достаточно просто выбрать правильную точку обзора.

* ПЕРЕМЕНА *

Я вспомнила что жизнь создана и для наслаждения, а не только для вечного боя. В Грузию я ехала тенью самой себя, а вернулась женщиной, которая позволила себе быть красивой и любимой миром.

Я возвращалась домой другой. Моя душа пела так гром-

ко, что хотелось танцевать прямо здесь, среди чемоданов и спешащих пассажиров.

Самолет коснулся полосы. За окном бушевал ливень — небо словно пыталось смыть остатки моего грузинского солнца.

Я представляла нашу встречу: вот я увижу его, и плевать на толпу, я закружу его в танце, передам ему хоть частичку того счастья, что привезла с собой.

Но реальность оказалась холоднее дождя за окном.

Я увидела его в толпе встречающих. Он стоял хмурый, темнее грозовой тучи. Ни улыбки, ни тепла в глазах. Молча протянул мне плащ — движение было сухими, механическими. Не сказав ни слова он развернулся и пошел к выходу, даже не оглянувшись.

Всю дорогу до дома мы ехали в оглушительной тишине. Гроза была уже не снаружи, она заполнила салон автомобиля.

Дом встретил нас не уютом, а тяжелым, осязаемым холодом. Ужин прошел в тишине, прерываемой только стуком вилок о тарелки. Не глядя мне в глаза, муж ушел спать в другую комнату, оставив меня наедине с моими воспоминаниями о Грузии и сотнями ярких фотографий в телефоне.

Был час ночи. Я сидела за ноутбуком, перенося кадры своего недавнего счастья в память компьютера, когда тишину разрезал звонок. Его телефон лежал на тумбочке — забытый, что само по себе было странно. У него было железное

правило: после десяти вечера звук выключается, мир перестает существовать. Но сейчас аппарат настойчиво вибрировал, мигая неизвестным номером.

Я взяла трубку. В голове поплыл туман, когда из динамика донесся нежный женский голос:

- Привет дорогой... Я так соскучилась. Почему ты молчишь? Я хочу услышать твой голос...

-Здравствуйте.

Я ответила и не узнала свой голос. Он был чужим, надтреснутым

- Это кто? – испуганно выдохнула трубка.

- Жена «дорогого»

- Простите...простите меня. И простите за эти два года.

Короткие гудки. В ту ночь время остановилось. Может быть это и была причина, его нежелания ехать в Грузию.

Дальше был долгий год, похожий на затяжной прыжок в бездну. Бесконечные разговоры, в которых правда тонула во лжи...

Когда я поняла, что дальше так жить невозможно, я попросила развод, но муж наотрез отказался отпускать меня мирно. Я не обманывала себя: в его отказе не было ни капли любви, ни желания сохранить семью. Его удерживала не я, а мой доход и крыша над головой. Салон, который я тянула на своих плечах, был для него источником комфортной жизни, а наш общий дом крепостью, из которой он не соби-рался уходить. Развод для него означал потерю привычного

сервиса и денег, которые он сам не привык зарабатывать. Он боролся не за меня — он боролся за свою зону комфорта, которую я обеспечивала своим трудом. Я подала заявление в суд.

Нам дали стандартный месяц на примирение — месяц, который тянулся как вечность. Я металась между желанием сжечь всё дотла и надеждой на второй шанс. Как говорится «кто ищет тот находит» и я почти поверила ему снова, нашла оправдание всем его действиям, пока однажды не застала его в нашей спальне, на нашей постели... с другой. Это была окончательная точка невозврата.

И вот наступил день заседания. Я стояла у кабинета, то и дело поглядывая на часы. Время вышло, а его всё не было.

— Подождите, пожалуйста, он вот-вот должен подойти, — попросила я судью, чувствуя какую-то нелепую надежду на то, что мы хотя бы закончим это достойно.

Судья, женщина с усталыми, всё выдавшими глазами, посмотрела на меня с сочувствием, которое полоснуло по сердцу сильнее любого упрека.

— Девушка, я видела сотни таких разводов, — тихо, но твердо сказала она. — Не стоит ждать. Он не придет.

И она была права. Его неявка была последним жестом контроля, попыткой еще немного затянуть мою несвободу. Развод в тот день всё же состоялся, но это был лишь первый круг кошмара. Впереди меня ждали еще два изматывающих суда по разделу имущества.

Удары сыпались один за другим.

И реальность, снова, оказалась куда беспощаднее.

В один из своих редких выходных я зашла в салон за какими-то мелочами. Я не должна была там быть. И то, что я увидела внутри, заставило мое израненное сердце окончательно разорваться.

Мой коллектив — люди, которых я обучала, за которых стояла горой и считала почти семьей, — молча собирали свои вещи. За моей спиной они сговорились уйти все вместе, в один день, оставив меня. Они даже не собирались меня предупредить. Если бы я не зашла в тот день случайно, наутро я бы просто открыла салон и обнаружила, что я осталась одна в руинах своего бизнеса.

Этот предательский заговор стал последним гвоздем. В ту минуту боль переросла в нечто иное. Жалость к себе исчезла. На её место пришла чистая, ледяная ярость.

Это была та самая ярость, которая была необходима для рывка. Я поняла: в этом городе меня больше ничего не держит. Ни муж, превративший мою жизнь в борьбу за выживание, ни коллеги, вонзившие нож в спину в самый тяжелый момент.

Говорят, что у каждого города есть свой голос. Когда-то Чита пела мне о счастье: здесь были мои друзья, моя работа, моя привычная жизнь. Но в какой-то момент эта песня оборвалась, сменившись вязкой, удушающей тишиной. Го-

род, который я любила, вдруг превратился в болото. И я чувствовала, как с каждым днем погружаюсь в него всё глубже, а почва уходит из-под ног. Я пыталась барахтаться, пыталась дать второй шанс, надеясь, что болото отпустит. Я поняла: если я не вырвусь сейчас, этот город — некогда родной и теплый — окончательно затянет меня в свою серую муть.

Все отчетливее проступала одна мысль: «Светлана, пора менять жизнь».

Ноябрь принес неожиданное решение- приглашение поехать в Москву.

Но, просматривая билеты, я увидела Уфу. Дешевый рейс, незнакомое название, шанс исчезнуть. Это была разведка, которая превратилась в решение.

И вот я в аэропорту.

За спиной — пепелище и два года слез. Впереди — город, который меня не знает и свободная жизнь.

Я захожу в самолет. Уфа ждет. Начинается новая глава.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Александр

На календаре было 7 марта 2020 года. Шесть утра. Аэропорт Уфы встретил меня предутренним затишьем и особенным, густым воздухом Башкирии. Мой друг Александр, который обещал встретить, задерживался: автобусы начинали ходить только с семи.

Я зашла в небольшое кафе прямо напротив входа, заказа-

ла кофе и села чтобы видеть двери аэропорта, для того что бы не пропустить появление друга. Пока горячий пар от чашки согревал лицо, мысли роились в голове, как встревоженные птицы. Что меня ждет? Правильно ли я поступила, бросив всё и уехав в неизвестность? Вопросов было сотни, а ответов — ни одного. Но странное спокойствие потихоньку вытесняло страх.

Два часа пролетели незаметно. И вот в дверях появился Александр. Он был невысокого роста, плотный, со светлыми волосами, но главное — его глаза. Голубые, необыкновенно добрые, они светились искренним теплом. Пока он шел ко мне я вспоминала как впервые мы познакомились.

[Когда решение о переезде в Уфу из робкой мысли превратилось в четкий план, я начала действовать. Уфа была для меня чистым листом, на котором еще не было ни одной знакомой строчки. Чтобы не чувствовать себя совсем потерянной, я разослала всем друзьям и знакомым одно и то же сообщение: «Еду в Уфу на разведку. Есть ли там кто-то, с кем можно просто поговорить или выпить кофе?»]

Отклик пришел. Муж моей знакомой прислал номер: «Вот, запиши. Это Саша. Он в Уфе, человек надежный. Позвони ему, он подскажет, что к чему».

Так в моем телефоне, а потом и в жизни, появился Александр.

Тот первый приезд «на разведку» был полон тревоги, но Саша стал моим проводником. Он встретил меня с таким

теплом и искренним гостеприимством, которого я, привыкшая к ударам жизни, уже и не ждала. Он не просто давал советы, куда сходить и на что посмотреть — он впустил меня в свой круг, познакомил со своими друзьями, окружив заботой и вниманием.

В чужом, огромном городе я вдруг почувствовала, что я не одна. Саша стал тем самым первым другом, который доказал: Уфа меня ждет. Это гостеприимство стало для меня знаком — я иду в правильном направлении. Болото осталось за спиной, а здесь, благодаря Саше, почва под ногами становилась всё тверже.]

— Добро пожаловать! — сказал он, обняв меня.

В этом простом приветствии было столько поддержки, что я впервые за долгое время по-настоящему выдохнула. Когда мы встретились впервые с Сашей, моим первым чувством было легкое недоумение. Саша показался мне каким-то суетным, слишком порывистым. А сейчас после года, пока мы с ним не виделись, но переписывались он стал родным.

Багажа с собой не было — всё моё прошлое, упакованное в коробки, уже ждало меня в квартире знакомой, отправленное транспортной компанией. Мы ехали до города почти два часа. Саша без умолку расспрашивал о дороге, что -то рассказывал и мы вместе смеялись. Я смотрела в окно на проплывающие пейзажи, и тяжесть внутри меня понемногу таяла.

Когда мы добрались до нужного адреса, выяснилось, что лифт не работает.

— Ничего, Светлана, разомнемся, — подмигнул Саша.

На седьмом этаже он вдруг остановился:

— Посмотри на вид. Выйди на балкон.

Я шагнула на общий балкон, и у меня перехватило дыхание. Весь город был укрыт чистым, нетронутым снегом. С неба лениво опускались редкие снежинки, и в лучах утреннего солнца всё это искрилось так ярко, что слезились глаза. Воздух пах ошеломительной свежестью. В тот момент я подумала: «Саша — настоящий романтик». Мне это было близко, ведь я и сама всегда искала в жизни капельку поэзии.

ЖИЗНЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА

Меня приютила Рая, пожилая женщина с удивительно открытой душой.

Квартира Раи встретила меня простором и удивительным, ни на что не похожим ароматом свежей зелени и влажной земли. Это была большая трехкомнатная квартира с огромной кухней и залом, который казался еще просторнее из-за заливавшего его света. Но главным, что бросалось в глаза, были цветы. Рая любила их какой-то особенной, безудержной любовью. Казалось, растения заняли большую часть её жилого пространства. На подоконниках всех комнат горшки теснились в два плотных ряда, а в зале зеленая лавина и вовсе спустилась на пол, заполняя собой каждый свободный уголок. Квартира напоминала зимний сад, где среди пышных

листьев текла своя, размеренная жизнь. Среди этого зелено-го великолепия мне Рая выделила маленькую, но очень уютную комнату с балконом. Здесь всё было предельно просто и функционально: две аккуратно заправленные кровати, стол у окна и шкаф для моих вещей. После огромного, утопающего в цветах зала эта комнатка казалась мне тихой и безопасной.

Первые две недели я была очарована. Я бродила по Уфе и влюблялась. Она приняла меня прохладой своих парков и шепотом падающего снега. В этом городе каждый сквер был живым существом, со своим характером: один — тихий и утешающий, другой — яркий и вдохновляющий. В дальнейшем когда пришла весна, зелень здесь стала не просто цветом — она была обещанием того, что после любой зимы наступает весна. А чуть позже, когда город окутал густой, невероятный запах цветущей липы, я вдруг почувствовала, как этот аромат проникает в самое сердце, становясь для меня манифестом возвращенной женственности и нежности. Пышные пионы, распускаявшиеся почти в каждом уфимском дворе, казались живыми символами гармонии и процветания. Они словно шептали мне: ты дома, ты в безопасности, пора расцвести.

Парк Первомайский, набережная Белой — каждый из них стал моим безмолвным другом, свидетелем того, как я по крупицам собирала себя. И я убеждалась, что Уфа стала для меня не просто точкой на карте, а стала живым соавтором

моей новой жизни. Город разговаривал со мной: «Смотри, жизнь продолжается», и я впитывала эту свежесть, пытаюсь отмыться от пепла прошлого.

Один раз я очень много гуляла и даже заблудилась. Саша по телефону, как штурман, выводил меня к дому. Он стал моей «палочкой-выручалочкой», надежной лодкой в этом бушующем океане перемен.

Но идиллия длилась недолго. Мир содрогнулся от новостей о пандемии. Город начал закрываться на глазах, улицы пустели, вакансии исчезали. В довершение ко всему, приехала дочь Раи и прямо попросила меня освободить комнату. Идти было некуда.

И снова возник Саша. В разгар бешеной метели, когда небо и земля слились в один белый вихрь, он приехал на грузовике.

— Не переживай, прорвемся, — коротко бросил он.

Они с водителем носили мои тяжелые коробки, грузили их, а потом выгружали уже в общежитии. Саша не взял с меня ни копейки, хотя я видела, как тяжело ему дался этот переезд в такую непогоду.

Моя новая комната в общежитии была крошечной. Кухня и спальня были объединены в одну зону, но в ней было что-то уютное, своё. Пока весь мир замер в страхе перед вирусом, я начала обустраивать свой маленький мир. Работа отложилась, но жизнь — нет. Благодаря Саше я начала знакомиться с людьми, заводить друзей.

Апрель прошел в странном, замершем ритме пандемии. Мир за окном общежития словно поставили на паузу, но моя жизнь продолжала кипеть в четырех стенах маленькой комнаты. Знакомые прибавлялись, становясь моими клиентами. Я стригла их прямо здесь, и эти визиты стали моим спасением- и финансовым, и душевным.

Саша писал мне каждый вечер, узнавал, как прошел день. Его сообщения стали для меня своего рода маяком.

ТРОН

Однажды в общежитии кто-то отдавал старое кресло. Я понимала, что ставить его особо некуда, но уют был важнее пространства, и я согласилась.

— Саш, сможешь занести? — спросила я в трубку, надеясь на встречу.

— Не могу, Свет, занят по горло, — ответил он, и я почувствовала укол разочарования. — Но не переживай, там рядом живут мои друзья — Валя и Саша, замечательная пара. Они помогут.

Разочарование быстро сменилось благодарностью. Валя и Саша оказались теми людьми, которые умеют превратить любую проблему в повод для смеха. Но кресло решило показать характер: оно наотрез отказалось входить в дверной проем.

— План «Б», — скомандовал Саша-второй.

Поскольку я жила на первом этаже, выход нашелся быстро, хоть и радикальный. Мы сняли решетки, выставили окон-

ные рамы, и под шутки соседей буквально «впихивали» мой новый трон через окно. Если бы не первый этаж, кресло осталось бы жить на улице, но для нас это стало настоящим приключением.

Однако вскоре в общежитии начались испытания посерьезнее. В подвале травили мышей, и полчища напуганных грызунов ринулись в комнаты. Месяц я вела неравный бой, но в итоге признала поражение. Это не я их выселила — это они выселили меня. Спустя, всего почти, три месяца после переезда я снова паковала коробки. Через подруг нашла квартиру, которая на следующие два года стала моим настоящим домом.

Переезд случился так стремительно, что я не успела даже попрощаться с тесными стенами общежития. Знакомый Александра, приятный молодой человек, взялся помочь мне с вещами. Он работал так ловко и быстро, что я едва успевала следить за его движениями: коробки, сумки, — всё мгновенно исчезало в машине и так же молниеносно появилось в новом коридоре.

Когда за помощником закрылась дверь, я осталась стоять посреди тишины. Третий этаж. Моя третья квартира в этом городе за три месяца.

Я сделала глубокий вдох и медленно пошла осматривать свои новые владения. После комнаты в общежитии, где каждый квадратный метр был на счету, здесь я почувствовала себя настоящей королевой. У меня наконец-то появилось раз-

деление жизни на зоны: вот отдельная комната, вот прихожая, а вот — святая святых — собственная кухня.

В комнате было много света. Там стояла добротная двухэтажная кровать, высокий шкаф и старый добрый сервант, за стеклом которого можно было расставить милые сердцу мелочи. Кухня тоже казалась огромной: стол, холодильник, шкаф для посуды — всё было простым, но очень уютным.

Но главным моим сокровищем стал - балкон. Я вышла на него, глядя на двор сквозь стекло, и почувствовала, как внутри разливается спокойствие. Здесь было место, чтобы дышать. В этой квартире я больше не была «временным жильцом», я была хозяйкой своей жизни.

ПИКНИК

Наступил июль. Тепло, запах прогретой травы и зов реки. Александр пригласил меня на пикник.

— Там будут все наши, — сказал он.

На рынке, месте нашего сбора, было шумно. Там я познакомилась с компанией: красавица Венера, чья улыбка сразу располагала к себе, тихая и скромная Катя, и Лена — женщина с живым умом и неиссякаемым запасом тем для разговора. Последним подошел Дима. Спортивный, немногословный брюнет. Наша первая встреча осталась в памяти вспышкой. Дима стоял напротив, и я видела, как он сканирует мой образ. Он остановился взглядом на линиях моей стрижки и, не меняя серьезного выражения лица, резюмировал:

— О, какая модная девушка.

Это было сказано так веско, будто он ставил печать на документе. Я не смогла сдержать улыбки, которая тут же перешла в звонкий смех:

— Спасибо!

Так началось наше знакомство — с его прямолинейности и моего смеха.

Мы все переправились на другой берег в двух лодках.

Пока женщины накрывали стол, мужчины занялись костром и шашлыком.

— Я отдыхаю, когда готовлю, — хвастался Саша, нанизывая мясо.

— Ой!

Я обернулась. Саша порезал палец. Пока я искала бинт, раздалось второе

«Ой!». — Да что же это такое! — Саша в сердцах смотрел на свои руки.

— Иди обрабатывай, — засмеялась я. — Давай я помогу Диме.

— Ну вот, — ворчал расстроенный Саша, уходя промывать раны. — Теперь шашлык будет «с кровью». В буквальном смысле — добыт потом и кровью!

Дима работал молча и очень ловко. Венера с детьми плескались в воде, Катя скрылась среди деревьев, а Саша, непривычно грустный, сидел на полянке и смотрел на реку. Дима вдруг нарушил тишину, не отрываясь от углей

— А почему ты вообще решила переехать? Сюда, в Уфу?

Я посмотрела на блики солнца на воде. В такой золотой, пронизанный светом день не хотелось поднимать со дна горечь прошлого, вспоминать измены и суды.

— На то была воля Бога, — тихо ответила я.

— Лучше расскажи о себе, — попросила я Диму.

Он на мгновение задумался, переворачивая шампуры.

— Живу с родителями. Работа стабильная, коплю на свою квартиру. Мне тридцать семь, но ни жены, ни детей нет, — ответил он ровным, почти сухим голосом. В этот момент я взглянула на него и честно призналась себе: «Не мой человек». Он не вызвал во мне ни интереса, ни тепла. Куда больше мне было жаль Сашу — после своих неудачных порезов он совсем сник и сидел молчаливым тенью на краю поляны.

- Все шашлык готов, все к столу- позвал всех Дима.

— А давайте поиграем! — после вкусного обеда предложила Лена. Мы начали играть в «Крокодила».

Пока все смеялись, пытаюсь угадать загаданные слова, я наблюдала за компанией. В глаза бросалось, как Венера смотрит на Сашу — в её жестах и улыбках читалась явная симпатия. Катя же держалась особняком; я чувствовала, что она не горит желанием подпускать меня близко или становиться подругой.

К вечеру настроение Саши улучшилось, и всю дорогу домой мы проболтали.

Но после этого пикника что-то изменилось. Саша «потерялся». Он писал всё реже, встречи сошли на нет... Моя

жизнь окончательно вошла в рабочую колею: я устроилась в парикмахерскую, и дни наполнились гулом фенов и разговорами с клиентами.

Глава: Одно крыло.

В сентябре 2020 года мой земляк, на машине, ехал мимо Уфы. И я решила с ним съездить навестить родственников. В мире уже несколько месяцев лихорадило от незнакомого, пугающего слова «коронавирус», но пока оно звучало где-то далеко, в новостях, казалось, что нас это не коснется.

Я поехала в Читу, надеясь на тепло родного дома, на встречу с близкими. Но встретила болезнь. Сначала заболел зять, следом — я. Потом папа.

Всё произошло слишком быстро. Вирус не дал нам времени подготовиться, опомниться, попросить прощения или сказать самые важные слова. Через несколько дней папы не стало.

До этого момента мне казалось, что я крепко стою на ногах, что бы ни происходило в моей жизни — развод, переезды, сомнения. А тут я вдруг осознала: всё это время за моей спиной было два крыла — папа и мама. Они держали меня над землей, защищали от любых бурь, даже когда я была далеко. А теперь... теперь у меня осталось только одно крыло. И как лететь дальше, как держать равновесие в этом опустевшем мире?

Похороны прошли словно в густом, кошмарном сне. Время потеряло свои контуры, лица людей расплывались, а ка-

зенные слова соболезнований не проникали сквозь стену моего оглушающего горя. Голова раскалывалась, а глаза были настолько опухшими от слез, что мир вокруг казался размытым, серым и бесконечно чужим.

Но именно тогда, когда казалось, что тьма сгустилась окончательно, жизнь напоминала мне, что я не одна. В эти тяжелые дни на связи постоянно был Александр. Он звонил регулярно, не ради вежливой формальности, а чтобы искренне узнать, как я, как справляется моя семья, держусь ли я. Его голос в телефонной трубке пробивал стену моего одиночества и ступора. Более того, понимая всю тяжесть ситуации, он, не дожидаясь просьб, выслал нам материальную помощь.

В ту минуту это была не просто финансовая поддержка. Это было теплое, надежное человеческое рукопожатие через сотни километров. Мне было до слез приятно и утешительно осознавать, что в моей жизни есть такие преданные, надежные друзья, готовые подставить плечо без лишних слов. Эта его забота стала крошечным, но таким важным островком стабильности среди бушующего океана моего горя.

Я смотрела на маму, и понимала, что ради нее, ради этого оставшегося единственного крыла, мне надо жить. Время, казалось, замирало в этой комнате, наполненной полутенями. Её плечи, такие хрупкие, казались мне в этот момент целой вселенной. Я видела, как в этой хрупкости скрывается невероятная, почти титаническая выносливость.

В этот миг перед глазами пронеслась вся её жизнь, словно кадры из старой, пронзительной киноплёнки. Я видела её, стоящую над могилами родителей, я видела, как она снова и снова провожала в последний путь своих братьев — троих родных сердец, погасших один за другим. Сколько боли может вместить одна человеческая душа, не превратившись в камень? Сколько слёз может высушить ветер, прежде чем сердце ожесточится?

Но она — вопреки всему — осталась прежней. В её глазах не поселилась тьма, а в душе не угасла та первозданная доброта. Она прошла через пустыни личных утрат, но принесла оттуда только способность чувствовать чужую боль острее, чем собственную.

Вся её жизнь была похожа на бесконечное служение. Она раздавала себя по крупицам, превращая своё существование в живой мост для других, не жалея сил, не требуя ничего взамен, словно само дыхание её было актом любви.

Я смотрела на неё, и внутри меня росло чувство, которому трудно подобрать имя. Это была не просто дочерняя привязанность — это было глубокое, священное преклонение. Я восхищалась этой женщиной, чья сила была не в броне и не в стальных нервах, а в этой обезоруживающей способности оставаться Человеком, когда мир вокруг рушится. Я смотрела на неё — мою маму — и понимала, что вся моя любовь к ней — лишь бледное отражение того величия, которое она несла в себе каждый день, тихо и незаметно, просто продол-

жая любить, несмотря ни на что.

Сила единственного крыла

Там, на папиных похоронах в Чите, когда мир вокруг казался размытым от слез, сквозь пелену своего оглушающего горя я мельком заметила мамину младшую сестру. Она выглядела очень плохо — бледная, похудевшая, словно надломленная изнутри. Но в те дни мы все были настолько поглощены внезапным уходом папы, что времени, да и душевных сил, просто присесть и поговорить по душам не нашлось. Казалось, это просто общая усталость и шок, которые сковали тогда каждого из нас.

Осознание пришло позже. Примерно через месяц, когда первый шок от папиной смерти немного отступил и мы начали возвращаться к реальности, раздался звонок. Диагноз тети прозвучал как еще один жестокий удар: рак четвертой степени.

Мама ни секунды не колебалась. Она сразу же забрала младшую сестру к себе. Я смотрела на маму — на ее хрупкие плечи — и понимала: я не имею права оставить ее одну в этой новой, изнурительной борьбе за жизнь. Наша жизнь превратилась в бесконечный марафон: мы начали ходить по больницам, часами сидеть в казенных коридорах, собирать бесконечные справки и оформлять документы на инвалидность.

Здоровье тети ухудшалось стремительно, она угасала бук-

важно на глазах. Помню день, когда врачи, пряча глаза, тихо сказали нам страшные слова: «Ей осталось не больше недели. Готовьтесь».

Болезнь не щадила ее. От невыносимой боли тетя кричала, металась и в какой-то момент почти полностью потеряла способность шевелиться. Но мама отказалась принимать этот приговор. Я до сих пор не понимаю, откуда в этой женщине, моем оставшемся единственном крыле, взялось столько титанической, сверхчеловеческой силы. Она продолжала ходить на работу, потому что жизнь требовала средств, а возвращаясь, превращалась в ангела-хранителя для своей сестры. Мама крутилась сутками: готовила специальную еду, бережно обмывала ее, переворачивала, возила по врачам, выбивала лекарства, отдавая всю себя без остатка, лишь бы хоть на каплю облегчить эти страшные мучения.

А в тишине, когда дневная суeta затихала, мы молились. Я закрывала глаза и всем сердцем, до боли в груди, просила Бога дать нам время, дать тете силы, сотворить чудо там, где человеческая медицина расписалась в своем бессилии.

Семь месяцев моей жизни превратились в один затянувшийся, непрерывный день борьбы. Семь месяцев мы с мамой дышали в один такт, подчинив каждую минуту уходу за тетей, больницам и молитвам. Но постепенно, шаг за шагом, липкий страх начал отступать. Тете стало значительно легче. Врачи лишь удивленно разводили руками и качали головами, изучая снимки: метастазы были уже везде, по всем кано-

нам науки времени не оставалось, а тетя жила.

То, что казалось невозможным, случилось — её состояние стабилизировалось, к ней вернулись силы, и маме уже больше не нужна была моя ежеминутная, экстренная поддержка. Она могла справиться сама.

Я смотрела на маму и понимала, что могу выдохнуть. Моё присутствие здесь, в эпицентре чужого горя, выполнило свою задачу. Но где-то там, за сотни километров, меня ждала моя собственная, оставленная на паузу жизнь. Мне нужно было вернуться в Уфу.

Уезжать было и легко, и тяжело одновременно. Я оставляла маму, но оставляла её уже не на пепелище, а с надеждой и с тем самым "вторым дыханием", которое подарила нам эта общая, выстраданная победа. Я садилась в поезд, с чувством выполненного долга, но внутри уже робко поднимали голову вопросы о моём собственном будущем, которое мне еще только предстояло построить в Уфе...

Вместо обещанной докторами одной недели Бог подарил тете еще три года жизни. Это была наша общая, тихая победа любви над смертью.

ЗНАКОМСТВО

Приезд мамы и сестры в Уфу был для меня важным событием. Мне хотелось показать им город, который стал моим убежищем.

Лето в тот день решило выдать нам максимальную норму тепла, и мы — я, мама и моя сестра Наташа — рванули на пляж. Градус нашего настроения зашкаливал. Едва коснувшись ногами прохладной воды, мы мгновенно забыли о том, что мы взрослые, серьезные женщины со своими заботами, и принялись дурачиться так, словно нам снова было по десять лет.

Вода летела брызгами во все стороны, мы хохотали в голос, устраивая шуточные заплывы. В какой-то момент нашей компании решили позавидовать местные утки. Наглые птицы плавали буквально в паре метров от нас, совершенно не стесняясь людей, и с таким важным видом деловито крикали, будто проводили инспекцию нашего водоема.

Балансируя на мелководье с телефоном в мокрых руках, мы как заправский папарацци вовсю позировали на фоне утиного семейства, делали селфи, комментировали каждый их «кряк» и покатывались со смеху.

И именно в этот разгар нашего водоплавающего безумия на берегу появились Александр и Маша.

Мама и Наташа до этого момента Машу ни разу не видели. По всем правилам этикета, мне следовало бы выйти на сушу, чинно обсохнуть, поправить купальник и представить всех друг другу.

— О, а вот и наши! — закричала я, отплевываясь от очередной волны брызг, и замахала руками. — Маша, Александр, идите к нам, тут утки принимают в свои ряды!

Сбросив обувь и верхнюю одежду, Маша и Александр с ходу шагнули в воду.

Через пять минут Маша уже вовсю участвовала в нашем общем веселье, как будто знала мою семью всю жизнь. Общие шутки и смех объединили нас быстрее любых долгих застольных бесед. Глядя на то, как Маша улыбается и брызгается в ответ, я подумала: «Вот оно. Настоящее, живое знакомство». Без масок и условностей — просто люди, которым хорошо здесь и сейчас.

Я не знала гида лучше, чем Саша, поэтому на дальнейшее знакомство с городом решила позвать его.

Мы ехали в торговый центр «Мега», плутали, смеялись, предвкушая прогулку у фонтанов. Настроение было по-настоящему праздничным.

— Саша, мы на месте! Ты где? — весело спросила я, набрав его номер

— Мы на втором этаже, около массажных кресел, — отзывался он.

Короткое «мы» полоснуло по ушам.

— Мы? Ты не один?

— Да, я с Машей и её дочкой.

В этот момент внутри что-то оборвалось. Радость от встречи с близкими мгновенно померкла, сменившись тяжёлым, липким чувством. Когда я увидела его — сияющего,

смеющегося, поглощенного общением с Машей и ребенком. Складывалось впечатление, что они семья и им больше никто и не нужен. Мне захотелось развернуться и уйти.

Весь мой план на «наш» вечер рассыпался.

— Мне нужно здесь кое-что купить, — сказал Саша, явно не замечая моей перемены в настроении.

— Ну тогда мы сами, — отрезала я, пытаясь дистанцироваться. — Сходим к фонтану, а потом поедem на берег Белой, кататься на теплоходе.

Я надеялась, что на этом всё. Что я смогу спрятаться в кругу семьи от этой неожиданного чувства. Но Саша, с его неизменным дружелюбием, радостно воскликнул:

— Отлично! Тогда встретимся уже на берегу!

Весь отдых у фонтана превратился в имитацию. Я улыбалась маме, фотографировала сестру и пыталась, чтобы они не заметили перемены в моем поведении.

На пристани, пока мы покупали билеты, появились — Саша, Маша и её дочь. Я старалась казаться веселой, поддерживала разговор, но внутри меня шел изнурительный допрос: «Почему? Почему мне так больно?». Он не нравился мне как мужчина, я не строила на него планов, у меня не было романтических чувств. Но это была она — ревность. Чистая, иррациональная ревность к человеку, который стал мне слишком родным. Мне казалось Саша стал для меня символом безопасности и опоры в новом городе, моим «проводником». И когда в этой картине мира начала постоянно появляться

другая женщина, возникло чувство, что у меня забирают не мужчину, а мое эксклюзивное право на это безопасное пространство.

Только на теплоходе, когда ветер ударил в лицо и я почувствовала спокойствие реки, мне стало легче. Она словно уносила лишние мысли. Прогулка закончилась хорошо, но глубоко внутри я всё равно считала минуты до момента, когда смогу остаться одна и разобраться в себе.

Мама уехала через три недели, и в суете последних дней нам больше не представилось возможности увидеться с Сашей. Сначала это казалось досадным упущением, но постепенно острая боль начала отступать, уступая место удивительной ясности.

Я долго размышляла над тем вечером на теплоходе, над своими метаниями и той удушливой ревностью. Я осознала, что он — не моя собственность. Мы свободные люди, и каждый из нас сам выбирает свой путь и несет свою ношу. Ревность, которая казалась мне тогда такой острой и болезненной, оказалась лишь отражением моих собственных страхов, а не его поступков. Я приняла эту простую истину: я не могу и не должна пытаться владеть тем, что мне не принадлежит. Отпустив эту призрачную претензию, я почувствовала, как с плеч упал тяжелый камень. Это осознание мне очень помогло дальше.

ВТАРАЯ ГЛАВА

Маша. Боль чужая и своя

Лето в Уфе стояло жаркое и обволакивающее. В один из своих выходных я просто гуляла по городу, подставляя лицо солнцу.

Тишину прервал звонок Венеры.

— Света, привет, дорогая! — затараторила она. — У меня подруга разводится, совсем расклеилась. Я знаю, что ты через всё это прошла...Поговори с ней, а? Поддержи, дай совет.

— Привет, Венера. Конечно, я попробую помочь.

— Тогда в пятницу жду тебя в гости, пообщаемся. А пока я дала ей твой номер, её зовут Маша, она наберет.

Я положила трубку и присела на скамейку в тени деревьев. «Что мне сказать Маше? — подумала я. — Как я могу ей помочь?». Но мысли прервал новый звонок.

— Привет, Света. Это Маша. У тебя есть время поговорить?

Голос в трубке дрожал. Маша начала рассказывать свою историю, и с каждым словом мне становилось всё труднее дышать. Она работала мастером маникюра, и прямо у неё под носом, в той же парикмахерской, коллега завела роман с её мужем. Двое детей, годы брака — всё рухнуло. Но самым страшным было другое: муж подал в суд, намереваясь отсудить детей. Я слушала её, прижимая трубку к уху, и в какой-то момент перестала улавливать юридические подробности. Я слышала только её отчаяние.

Где-то глубоко внутри меня, там, где я привыкла прятать

свою личную историю, начала оживать старая боль. У меня нет детей. Но я прекрасно знала цену этой тишины в доме. Когда мне исполнилось двадцать девять, я оглянулась на свою жизнь и поняла: всё, о чем я мечтала — дом, свое дело, стабильность, — уже здесь, в моих руках. Я достигла того, что называют успехом. Но не хватало одного -ребенка. И тогда я начала ждать. Я была уверена, что скоро в моей жизни появится это долгожданное чудо. Я верила, что оно вот-вот постучится в мою дверь. Но чудо так и не случилось.

Сначала это было ожиданием, потом — борьбой, а в конце стало медленным, мучительным осознанием того, что надежда угасает. Это была своя, особенная боль — терять то, чего никогда не держала в руках. Маша же сейчас стояла на краю пропасти, где у неё отнимали то, что было плотью от её плоти. Я сложила в уме эти цифры: двое детей, восемнадцать месяцев, прожитых с ними под сердцем. Это была не просто утрата, это было лишение её самой сути, её кровиночек.

Слушая её, я понимала: я не могу знать, каково это — когда ребенок зовет тебя «мама». Но я знала, каково это — чувствовать пустоту там, где должна была быть жизнь.

Я слушала её всхлипы и чувствовала, как мои собственные проблемы бледнеют. Мне казалось, что моя жизнь наполнена горем, но здесь...

Мы плакали вместе. Я сидела на этой скамейке в центре чужого города, и слезы катились по щекам. В голове вдруг всплыли слова, которые когда-то дали мне сил: *«Бог не допу-*

стит испытаний сверх сил, но при испытании даст и выход, чтобы вы могли выдержать». Я прошептала их Маше.

Спустя полтора часа она немного успокоилась. Мы попрощались до пятницы, а я еще долго сидела на месте, глядя на прохожих. В тот вечер я дала себе зарок: больше никогда и никого я не полюблю. Ни за что не позволю кому-то еще причинить мне такую боль.

Домой я шла в твердой уверенности, что моё сердце теперь — закрытая крепость.

Маша оказалась удивительно светлым человеком. Невысокая, с открытой, широкой улыбкой, она располагала к себе. Мы быстро нашли общий язык, и наши встречи стали регулярными: то она у меня, то я у неё, часто с ночевками и бесконечными разговорами обо всём на свете.

— Светик, приветик! Я тут пиво взяла, тебе сидр купить? Посидим, потанцуем, поднимем настроение! Приезжай ко мне с ночевкой, — раздался в трубке её бодрый голос.

Я приехала, но вместо легкого пива на столе стоял коньяк. Атмосфера была далека от танцев.

— Света, мне нужно тебе кое-что рассказать... — Маша внезапно закрыла лицо руками и расплакалась.

Сквозь слезы она выплеснула то, что жгло её изнутри. Оказалось, что в самый тяжелый момент развода, когда она болела и не имела сил даже сварить себе кашу, ей позвонил Саша. Узнав о её состоянии, он приехал через пару часов с

горячим куриным супом.

Она считала его своим спасителем.

Меня он тоже окутал вниманием: мелкие, но такие нужные подарки, постоянная поддержка. Я искренне считала его родственной душой. Но физически... я не могла представить нас вместе. Блондин, голубые глаза, полнота — это было совсем не моё.

У Маши было другое он ей нравился и физически.

Позже я узнала, что Саша ведет себя так со всеми. Он не искал одну единственную, он хотел, чтобы *каждая* чувствовала себя нужной. Он был «профессиональным спасителем», видевшим в нас сестер. Он просто очень добрый и некоторые не правильно истолковывали его доброту.

РЕКА

Однажды Дима позвал нас с Машей в свой гараж. Нужно было помочь ему с каким-то делом — работа была несложной, но за разговорами и смехом мы не заметили, как на город опустились густые сумерки. Закончили поздно, но расставаться совсем не хотелось. Летний воздух был настолько теплым и манящим, что кто-то предложил: «А поехали на речку?»

Идея ночного купания казалась верхом романтики.

Вокруг было тихо. Дима остался на берегу, а мы с Машей, не раздумывая, залезли в темную, ласковую воду. Ощущение прохлады на коже после пыльного гаража было почти магическим. Я чувствовала такой прилив счастья, что не смогла

сдержаться и запела во весь голос:

— Миллион, миллион, миллион алых роз... Из окна, из окна, видишь ты...

Мой голос разлетался над сонной рекой, и мне казалось, что весь мир сейчас принадлежит нам.

— Так хорошо... — тихо произнесла Маша, качаясь на воде рядом со мной.

— Да, прекрасная летняя ночь, — отозвалась я, глядя в темное небо.

Но Маша вдруг стала серьезной. В её голосе прозвучала какая-то глубокая, затаенная тревога.

— Знаешь, чего я боюсь, Света?

— Чего?

— Что эти моменты больше не повторятся. Что всё это закончится, и все друзья просто уйдут из моей жизни.

— Почему ты так решила? — я остановилась, удивленная её пессимизмом.

— Это всегда так бывает, — грустно ответила она. — У всех появляются свои дела, каждый начинает жить своей отдельной жизнью. Близость исчезает.

Я посмотрела на неё сквозь ночную дымку. Мне хотелось передать ей хоть немного своей уверенности.

— А я не согласна, Маш. Если ты сама этого захочешь, то всё останется. Настоящая связь не рвется просто от времени. Всё от тебя зависит.

Мы вышли из воды, дрожа от приятной прохлады. Дима уже организовал небольшой стол прямо на траве — мы наскоро перекусили, наслаждаясь этой простотой. Потом он развез нас по домам.

Я ехала в машине, глядя на мелькающие огни фонарей и слова Маши все крутились у меня в голове. Я думала о том, что «настоящий друг любит всегда. Он как брат, на которого можно положиться в самой страшной беде». И даже если наши жизненные пути когда-нибудь разойдутся в разные стороны, в сердце мы всё равно останемся теми же девчонками из ночной реки, готовыми прийти на помощь по первому зову.

СМЕХОТЕРАПИЯ

С июля по октябрь время для меня словно замедлилось, наполнившись чужой болью, которая была мне до боли знакома. У Маши шел бракоразводный процесс. Теперь я оказалась по другую сторону баррикад — не участницей, а наблюдателем.

Мы бесконечной чередой ходили по судам, заглядывали в кабинеты полиции, просиживали часы в очередях к адвокатам и приставам. Глядя на Машу, я видела в ней себя прежнюю: ту же растерянность в глазах, тот же страх перед неизвестностью и тяжесть каждого принятого решения.

В эти моменты я больше всего на свете хотела стать для нее тем самым надежным плечом, которым в свое время стала для меня моя родная сестра. Когда рушился мой мир, сестра не дала мне утонуть, она просто была рядом, когда воздух заканчивался. Теперь наступила моя очередь возвращать этот долг жизни. Я старалась ловить каждое Машино движение, предугадывать её страхи и просто держать за руку в казенных коридорах, где от холода стен сердце сжимается еще сильнее. Сопереживание — это странная штука: помогая ей пройти через этот ад, я будто сама окончательно прощалась со своими призраками прошлого.

Я знала по себе: развод — это не просто штамп в паспорте, это липкая, серая печаль, которая пытается затянуть тебя на дно. Но я также помнила свою Грузию. Тот воздух, те горы и те мгновения, которые когда-то помогли мне снова услышать собственный смех. Теперь я смотрела на Машу и понимала:

я хочу вернуть этот смех ей. Любой ценой.

Мы с сестрой разработали план «эвакуации» Маши из её горя. Вечер был продуман до мелочей, и главной его целью было полное, безоговорочное веселье.

Всё началось с караоке. Если бы кто-то услышал нас со стороны, он бы вряд ли назвал это пением. Мы не попадали в ноты, мы не следили за ритмом — мы просто втроем изо всех сил кричали слова песен. Наверное, соседи за стеной в ужасе думали, что где-то поблизости стая кошек попала под ливень, но нам было всё равно. Мы «выкрикивали» свою боль, свою усталость и свои страхи. Когда горло окончательно охрипло, а на лицах появились первые настоящие улыбки, мы поняли — это только начало.

— В парк! — скомандовала я.

Вечерний парк встретил нас прохладой и тишиной, которую мы тут же безжалостно нарушили. Мы устроили Маше грандиозную фотосессию. Она позировала у каждого дерева, у каждого куста, под фонарями и в тени аллей. Мы смеялись над нелепыми позами, дурачились и ловили в объектив моменты, где в её глазах наконец-то промелькнул живой огонек.

А потом, когда тьма стала совсем густой, мы зашли в самую глубь парка, подальше от случайных прохожих.

— Раз, два, три! — шепнула сестра.

И мы закричали. Громко, во всю мощь своих легких, просто в пустоту ночного неба. Это был крик освобождения. А

вслед за криком пришел смех — неудержимый, до коликов в животе, до слез. Мы стояли посреди темных деревьев, три женщины, объединенные чем-то гораздо большим, чем просто дружба. В ту ночь я поняла: когда ты можешь вот так искренне и громко смеяться над своими бедами, они начинают терять над тобой власть.

РЕМОНТ

Наступил октябрь. И день оглашения решения суда стал для нас черным днем. Судья был непреклонен, и его слова падали на Машу, как камни: дети остаются с отцом. Суд обосновал это решение холодной логикой цифр и квадратных метров: у отца большой дом, где у каждого ребенка будет собственная спальня, и, главное, стабильный доход. Маша, на тот момент не имевшая работы и ютящаяся в однокомнатной квартире, проиграла этот бой еще до начала слушаний. Ей оставили статус матери «по выходным» — горькое утешение, которое никак не могло заглушить материнскую боль.

Я смотрела на происходящее и внутри меня закипало немое возмущение. Какая же чудовищная несправедливость: измерять любовь квадратными метрами, а материнское сердце — стабильным доходом! Разве можно решить, что дети не нужны матери, только потому что у неё сейчас тяжелые времена?

Но, несмотря на эту горечь, где-то внутри, в той части души, которая всегда остается наедине с Небом, я знала: это реш-

шение суда — не финал. Люди могут ошибаться, могут быть слепы к чужой боли, но я верила, что Бог видит гораздо дальше. Он знает истинную цену этого материнства, и я знала, что в свой срок Он обязательно вмешается, восстановит правду и даст Маше то утешение, которое невозможно купить или отсудить. Сейчас она была раздавлена, но я понимала, что эта боль — лишь часть пути.

Когда мы вышли из здания суда, Маша не плакала. Она была пустой, словно из нее вынули душу. Я смотрела на нее и понимала: если сейчас дать ей остаться наедине с этой пустотой, она просто сломается. Мне нужно было что-то, что могло бы переключить ее внимание, хотя бы на пару часов.

Погода в Уфе, под стать нашему настроению, затянулась серыми дождями, и у Маши в квартире потекла крыша (она жила на последнем этаже и в угловой квартире). Чтобы отвлечь её от грустных мыслей и от тревог после развода, я предложила сделать ремонт. Мы азартно выбирали обои, купали клей и шпатели. На подмогу позвали Диму.

В назначенный день я позвонила в домофон.

— Привет, я приехала!

Когда Маша открыла дверь, выяснилось, что Дима уже здесь — он как раз выходил из лифта. Мы не мешкая взялись за дело.

— С чего начнем? — деловито спросил он.

— Сдираем старое прошлое со стен! — скомандовала я.

Работа спорилась. Дима, ловко отрывая полосы старых

обоев, рассматривал двухъярусную кровать.

— Дети здесь спали?

— Да, — улыбнулась Маша. — Вечно спорили, кто будет на «чердаке» хозяйничать.

— А я в армии так выматывался, что мне было всё равно, где падать, — усмехнулся Дима. — Помню, стою на «тумбочке» в наряде — и заснул. Стоя! И ведь сон даже приснился.

— Мне всегда снятся яркие сны, — отозвалась я, разглаживая свежий лист обоев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.